

Эйблин

Глава 1

Август 1962

Мэй Мобли родилась ранним воскресным утром в августе 1960-го. Церковное дитя, как говорится. Я белых детишек нянчу, а еще готовлю и прибираюсь в доме. За свою жизнь уже семнадцать деток вынянчила. Я умею укладывать их спать, успокаивать и сажать на горшок поутру, пока мамочка еще нежится в постели.

И отродясь я не видала ребенка, который орал бы, как Мэй Мобли Лифолт. Когда я первый раз переступила порог, она аж заходилась вся, красная — видать, животик болит — и бутылочку отшвыривала, как гнилую репу. Мисс Лифолт, та в ужасе глядела на собственное дитя: «Что я не так делаю? Почему никак не могу прекратить это?»

Это? Первый намек был: что-то здесь не так. И я взяла этого розового вопящего младенца на руки, покачала на коленях, чтобы газики отошли. И пары минут не прошло, как Малышка затихла и заулыбалась мне. Но мисс Лифолт, она за весь день так и не взяла на руки своего ребеночка. Я-то повидала женщин, что впадали в тоску после родов. Вот и подумала, что это тот самый случай.

Теперь насчет мисс Лифолт. Она не только хмурая вечно, она еще и худющая, что твой скелет. Ножки у нее такие тощие, будто отросли только на прошлой неделе. Двадцать три года, а долговязая, как четырнадцатилетний пацан. Даже каштановые волосы и те тонюсенькие да

редкие. Она их пробует начесывать, но это ж просто смех. А лицо у нее точь-в-точь как у красного чертика, что на жестянке с коричневыми конфетками, — острый подбородок, и все. У нее все тело, вообще-то, состоит из острых выступов и углов, неудивительно, что не может утешить ребеночка. Детки любят толстых. Чтобы зарыться мордашкой вам в подмышку и заснуть. Уж я-то знаю.

К тому времени, как ей годик исполнился, Мэй Мобли меня ни на шаг не отпускала. Пробьет, бывало, пять часов, а она вцепится в мои башмаки, волочитя по полу и кричит, будто я ухожу навеки. А мисс Лифолт прищурится злобно, вроде я делаю что дурное, и отдирает рыдающую крошку от моих ног. Я так думаю, вы сильно рискуете, когда допускаете чужого человека воспитывать свое дитя.

Сейчас Мэй Мобли два годика уже. У нее большущие карие глаза и кудряшки цвета меда. Дело чуть портит лысинка на затылке. А когда она сердится, между бровок у нее морщинка, как у мамы. Они вообще похожи, вот только Мэй Мобли пухленькая. Королевой красоты она не будет. Думаю, мисс Лифолт это беспокоит, но для меня Мэй Мобли особенный ребенок.

Я потеряла своего дорогого мальчика, Трилора, незадолго до того, как начала работать у мисс Лифолт. Ему было двадцать четыре. Чудесный возраст, вся жизнь впереди.

У него была своя квартирка на Фолей-стрит. Встречался с хорошей девушкой, Франсес, я ждала, что они поженятся, но он неторопливый был в таких вещах. Не потому, что искал чего получше, а просто очень был рассудительный. Он очки носил и все время читал. Даже начал писать книжку — про то, каково это быть цветным и работать в Миссисипи. Боже правый, как я им гордилась! Но как-то он работал допоздна на фабрике Скэнлон-Тейлор, грузил мешки, щепки все время протыкали перчатки. Он был слишком маленький для этого дела, слишком хрупкий, но ему очень нужна была работа. Устал. Шел дождь. Он поскользнулся на мостках и упал прямо на дорогу. Водитель тягача его не заметил и раз-

давил ему легкие, прежде чем мальчик успел двинуться. Когда я все узнала, он был уже мертв.

В тот день мой мир почернел. Воздух стал черным, и солнце — черным. Я лежала на кровати и смотрела на черный потолок. Минни приходила каждый день проверить, дышу ли я еще, кормила меня, чтоб не померла. Три месяца прошло, прежде чем я глянула в окно, посмотреть, там ли еще весь остальной мир. Как же я удивилась, что мир не рухнул, когда мой мальчик погиб. Через пять месяцев после похорон я заставила себя встать с кровати. Надела белую униформу, повесила на шею маленький золотой крестик и отправилась с визитом к мисс Лифолт, потому что та только-только родила малышку дочь. Но вскоре я заметила, что кое-что во мне изменилось. Горькое зерно поселилось внутри. И я больше не принимаю жизнь так покорно.

— Приведите дом в порядок, а потом приготовьте салат из цыпленка, — приказывает мисс Лифолт.

Сегодня у нее бридж. Каждую четвертую среду месяца. Я уже все приготовила — утром сделала салат из цыпленка, а скатерти выгладила еще вчера. Мисс Лифолт это видела. Но ей двадцать три, и ей нравится слышать свой голос, когда она указывает мне, что делать.

Она уже в голубом платье, что я гладила утром, у которого *шестьдесят пять* складок на талии, таких тонких, что мне пришлось нацепить очки, чтобы их разглядеть. Я мало что в жизни ненавижу, кроме себя, но про это платье *ничего* доброго сказать не могу.

— И проследите, чтобы Мэй Мобли к нам не входила, строго-настрого. Я на нее очень сердита — разорвала мою лучшую бумагу на пять тысяч кусочков, а мне нужно написать пятнадцать благодарственных писем для Молодежной лиги...

Я приготовила всякую всячину для ее подружек. Достала красивые бокалы, разложила столовое серебро. Мисс Лифолт не ставит маленький карточный столик, как другие дамы. У нас сидят за обеденным столом. Стелется скатерть, чтобы скрыть большую царапину в форме буквы «л», на комодке ваза с красными цветами

прикрывает обшарпанность полировки. Мисс Лифолт, она любит, чтобы все было изящно, когда устраивает прием. Может, старается изобразить, какой у нее солидный дом. Они ведь не слишком богаты, я знаю. Богатые-то так из кожи вон не лезут.

Я работала в молодых семьях, но, так думаю, это самый маленький домишко из тех, где я нянчила деток. Вот, к примеру. Их с мистером Лифолтом спальня приличного размера, но комната Малышки совсем крохотная. Столовая — она же и гостиная. Ваннх комнат только две, что облегчает жизнь, потому что в тех домах, где я работала прежде, бывало по пять и шесть. Целый день уходил только на то, чтоб отмыть туалеты. Домик хотя и маленький, мисс Лифолт старается сделать его уютным. Она неплохо управляетса со швейной машинкой. Если не может купить что-то новое, просто берет синюю, к примеру, материю и шьет. Мисс Лифолт платит девяносто пять центов в час, мне уж много лет так мало не платили. Но после смерти Трилора я согласна была на все. Домовладелец не мог больше ждать.

В дверь звонят, я иду открывать.

— Привет, Эйбилин, — говорит мисс Скитер*, она из тех, что разговаривают с прислугой. — Как поживаете?

— Здравсьте, мисс Скитер. Все хорошо. Боже, ну и жара на улице.

Мисс Скитер очень высокая и худая. Волосы у нее светлые и короткие, она круглый год делает завивку. Ей года двадцать три или около того, как мисс Лифолт и остальным. Она кладет сумочку на стул, делает такое движение, будто почесывается под одеждой. На ней белая кружевная блузка, застегнутая, как у монашки, туфли на плоской подошве, думаю, чтоб не казаться выше. Синяя юбка с вырезом на талии. Мисс Скитер всегда выглядит так, словно кто-то ей подсказывает, что носить.

Слышу, как подъехали мисс Хилли и ее мама, мисс Уолтер, они сигналият у тротуара. Мисс Хилли живет в десяти футах, но всегда приезжает на машине. Открываю

---

* Skeeter (амер.) — комарик, москит. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ей дверь, она проходит мимо, а я думаю, что пора бы разбудить Мэй Мобли.

Вхожу в детскую, а Мэй Мобли улыбается и тянет ко мне пухленькие ручонки.

— Уже проснулась, Малышка? А что же меня не позвала?

Она смеется и выплясывает веселую джигу, дожидаясь, пока я достану ее из кровати. Обнимаю ее крепко-крепко. Думаю, когда я уйду домой, ей не так уж много достается объятий. Частенько прихожу на работу, она ревет в своей кровати, а мисс Лифолт стрекочет на машинке, недовольно закатывая глаза, как будто это бездомная кошка за окном орет. Мисс Лифолт, она всегда хорошо одета. Всегда накрашена, у нее есть гараж, двухкамерный холодильник, который даже делает лед. Если встретите ее в бакалейной лавке, ни за что не подумаете, что она может вот так уйти и оставить ребеночка плакать в колыбельке. Но прислуга всегда все знает.

Сегодня хороший день. Девчушка смеется.

Я говорю:

— Эйбилин.

А она мне:

— Эйбии.

Я:

— Любит.

И она повторяет:

— Любит.

Я ей:

— Мэй Мобли.

Она мне лепечет:

— Эйбии.

А потом хохочет и хохочет. Так ее забавляет, что она разговаривает, скажу вам, да и пора бы уж, возраст подошел. Трилор тоже до двух лет не разговаривал. Но зато к тому времени, как пошел в третий класс, он говорил лучше, чем президент Соединенных Штатов, приходил домой и выдавал всякие слова, навроде *объединение* и *парламентский*. Когда он перешел в среднюю школу, мы играли в такую игру: я давала ему простое слово, а он придумывал замысловатое название. Я, к примеру, говори-

ла: домашняя кошка, а он — животное из семейства кошачьих домашнего размера, я говорила: миксер, а он — вращающаяся ротонда. Как-то раз я сказала: «Криско»*. Он почесал голову. Поверить не мог, что я выиграла таким простым словом, как «Криско». Это стало у нас секретной шуткой, означало что-то, что вы никак не можете ни описать, ни приспособить к делу, как бы ни старались. Папашу его мы начали называть «Криско», потому что невозможно представить себе мужика, сбегавшего из семьи. Вдобавок он самый подлый неплательщик на свете.

Я перенесла Мэй Мобли в кухню, усадила в высокий стульчик, думая о двух поручениях, которые надо закончить сегодня, пока мисс Лифолт не разгневалась, — отобрать негодные салфетки и привести в порядок серебро в буфете. Боже правый, похоже, придется заняться этим, пока дамы в гостиной.

Несу в столовую блюдо с фаршированными яйцами под майонезом. Мисс Лифолт сидит во главе стола, слева от нее мисс Хилли Холбрук и матушка мисс Хилли, мисс Уолтер, с которой мисс Хилли обращается вовсе без уважения. А справа от мисс Лифолт — мисс Скитер.

Обношу гостей, начиная с мисс Уолтер, как самой старшей. В доме тепло, но она набросила на плечи толстый коричневый свитер. Старушка берет яйцо с блюда и едва не роняет его, потому что руки дрожат. Я перехожу к мисс Хилли, та улыбается и берет сразу два. У мисс Хилли круглое лицо и темно-каштановые волосы, собранные в «улей». Кожа у нее оливкового цвета, в веснушках и родинках. Носит она чаще всего шотландку. И задница у нее тяжеловата. Сегодня, по случаю жары, она в красном свободном платье без рукавов. Она из тех женщин, что одеваются, как маленькие девочки, со всякими шляпками и прочим. Не больно-то она мне нравится.

Перехожу к мисс Скитер, но она, наморщив носик, отказывается: «Нет, спасибо». Потому что не ест яйца. Я все время твержу мисс Лифолт, что у нее тут бридж-

---

* Консервированный жир-разрыхлитель для выпечки, на основе хлопкового масла.

клуб, а она все равно заставляет меня готовить эти яйца. Бойтся разочаровать мисс Хилли.

Наконец, добираюсь до мисс Лифолт. Она хозяйка, поэтому получает свою закуску последней. И тут же мисс Хилли говорит: «Если вы не возражаете...» — и подхватывает еще парочку яиц, что меня вовсе не удивляет.

— Угадайте, кого я встретила в салоне красоты? — обращается к дамам мисс Хилли.

— И кого же? — интересуется мисс Лифолт.

— Селию Фут. И знаете, что она спросила? Не может ли она помочь с Праздником в этом году.

— Отлично, — замечает мисс Скитер. — Нам это пригодится.

— Не все так плохо, обойдемся без нее. Я ей так и сказала: «Селия, чтобы участвовать, вы должны быть членом Лиги или активно сочувствующей». Что она себе думает? Что Лига Джексона открыта для всех?

— А разве мы в этом году не привлекаем нечленов? Праздник ведь предстоит грандиозный? — удивляется мисс Скитер.

— Ну да, — говорит мисс Хилли. — Но *ей* я об этом сообщать не собиралась.

— Поверить не могу, что Джонни женился на такой вульгарной девице, — качает головой мисс Лифолт, а мисс Хилли кивает. И начинает сдавать карты.

А я раскладываю салат и сэндвичи с ветчиной и невольно слушаю их болтовню. Эти дамы обсуждают только три темы: дети, тряпки и подружки. Заслышав слово «Кеннеди», не подумайте, что речь идет о политике. Они обсуждают, в чем была мисс Джеки, когда ее показывали по телевизору.

Подхожу к мисс Уолтер, та берет только половинку сэндвича.

— Мама, — резко кричит на нее мисс Хилли, — возьми еще. Ты тощая как телеграфный столб. — Мисс Хилли смотрит на остальных. — Я ей все время твержу: если эта Минни не умеет готовить, надо уволить ее, и дело с концом.

Я тут же наостряю уши. Она говорит о прислуге. А Минни — моя лучшая подруга.

— Минни прекрасно готовит, — возражает мисс Уолтер. — Просто я не так голодна, как бывала прежде.

Минни, поди, лучшаястряпуха в округе Хиндс, а может, и во всем штате Миссисипи. Осенью будет Праздник Молодежной лиги, и они попросили ее испечь десять тортов с карамелью для аукциона. Она, пожалуй, самая известная из прислуги в нашем штате. Проблема в том, что Минни не может держать рот на замке. Уж слишком она любит дерзить. То нагрубит белому менеджеру в бакалее, то с мужем поскандалит, и вечно дерзит белым дамам, у которых служит. У мисс Уолтер она задержалась так долго только потому, что та глуха как тетерев.

— Я считаю, что ты недоедаешь, мама, — не унимается мисс Хилли. — Эта Минни плохо тебя кормит, чтобы прикарманить последние ценности, что остались. — Она отодвигает стул: — Пойду припудрю носик. Вот увидите, мама умрет от голода.

Когда мисс Хилли уходит, мисс Уолтер бормочет себе под нос:

— Держу пари, ты только обрадуешься.

Все делают вид, будто ничего не слышали. Надо бы позвонить сегодня вечером Минни, рассказать, что тут заявляла мисс Хилли.

В кухне Малышка сидит в своем стульчике, вся мордашка перемазана черничным соком. Я вхожу, и она тут же начинает улыбаться. Она не шумит, не хнычет, когда остается одна, но я ужас как не люблю оставлять ее надолго. Знаю, что она глаз не сводит с двери, пока я не вернусь.

Плажу ее по пушистой головке и снова выхожу — подать холодный чай. Мисс Хилли уже сидит на своем месте, вся скривилась — опять чем-то недовольна.

— О, Хилли, тебе лучше было бы воспользоваться гостевой ванной комнатой, — говорит мисс Лифолт, перебирая карты. — В задней части дома Эйбилин убирает только после обеда.

Хилли вздергивает подбородок. А потом издает свое многозначительное «А-ха-мм». Она так вроде откашливается, привлекает к себе внимание, а остальные невольно подчиняются.

— Но гостевой ванной пользуется прислуга, — замечает мисс Хилли.

Сначала все молчат. Потом мисс Уолтер кивает, будто сейчас все стало понятно:

— Она расстроена, что негритоска пользуется той же ванной комнатой, что и мы.

Боже, только не это дерьмо снова. Они все уставились на меня, глядят, как я перебираю серебро на буфете, и я понимаю, что пора уходить. Но прежде чем я положила на место последнюю ложку, мисс Лифолт распоряжается:

— Принесите еще чаю, Эйбилин.

Подчиняюсь, хотя чашки у них полны до краев.

Потом с минуту слоняюсь по кухне, хотя делать мне там уже нечего. Надо бы вернуться в столовую, закончить с серебром. И салфетки нужно разобрать обязательно сегодня, но они в комод, что стоит в холле, как раз напротив стола, где они сидят. Я не намерена торчать тут допоздна только потому, что мисс Лифолт играет в карты.

Жду еще несколько минут, протирая столы. Даю Малышке еще кусочек ветчины, и она с радостью все съедает. В конце концов выскальзываю в холл, мысленно молясь, чтоб не попасться им на глаза.

Они сидят, все четверо, — в одной руке сигарета, в другой — карты.

— Элизабет, если бы у тебя был выбор, — слышу голос мисс Хилли, — неужели ты не предпочла бы, чтобы они делали свои дела вне дома?

Я тихонечко выдвигаю ящик комода, волнуясь, как бы мисс Лифолт меня не заметила, и не очень прислушиваясь к тому, что они говорят. Эти разговоры для меня не новость. Повсюду в городе есть туалеты для цветных, и во многих домах тоже. Но тут я вижу, что мисс Скитер меня заметила, и замираю — ох, не было бы у меня неприятностей.

— Черви, — объявляет мисс Уолтер.

— Не знаю... — Мисс Лифолт хмурится, разглядывая свои карты. — Рэйли только начинает дело, а до уплаты налогов еще шесть месяцев... обстоятельства у нас сейчас сложные.

Мисс Хилли говорит медленно, аккуратно, словно торт глазурью покрывает:

— Ты должна сказать Рэйли, что каждый пенни, который он потратит на эту ванную, он с лихвой возместит при продаже дома, — и кивает, словно сама с собой соглашается. — Ну что это за дома они строят, без уборной для прислуги? Это же просто опасно. Всем известно, что у них совсем другие заболевания, не такие, как у нас. Удваиваю.

Достаю стопку салфеток. Интересно, что мисс Лифолт на это скажет. Она же мой босс. Каждый, поди, хотел бы знать, что его босс о нем думает.

— Было бы неплохо, — говорит мисс Лифолт, затягиваясь сигареткой, — если бы она не пользовалась туалетом в доме. Три пики.

— Вот поэтому я и выдвинула «Инициативу по обеспечению домашней прислуги отдельным санузелом», — объявляет мисс Хилли. — Как средство профилактики заболеваний.

Удивительно, но горло у меня сжимается. Стыдно, я ведь давным-давно научилась подавлять чувства.

Мисс Скитер явно озадачена:

— Инициативу... что это такое?

— Закон, согласно которому в каждом белом доме должна быть отдельная уборная для цветной прислуги. Я даже уведомила об этом главного санитарного врача Миссисипи. Надеюсь, что он одобрит идею. Я — пас.

Мисс Скитер мрачно смотрит на мисс Хилли. Кладет карты рубашкой вверх и небрежно так произносит:

— Может, мы просто построим отдельную ванную для тебя, Хилли.

Господи, вот тут-то все по-настоящему затихли.

Мисс Хилли говорит:

— Не думаю, что тебе следует шутить по поводу расовой проблемы. По крайней мере, если хочешь остаться на посту редактора Лиги, Скитер Фелан.

Мисс Скитер усмехается, но видно, что ей совсем не смешно.

— Ты что... намерена вышвырнуть меня вон? За несогласие с тобой?

Мисс Хилли поднимает бровь:

— Я сделаю то, что должна, для защиты нашего города. Твой ход, мама.

Я возвращаюсь в кухню и не показываюсь оттуда, пока не слышу, что за мисс Хилли закрылась дверь.

Убедившись, что мисс Хилли ушла, я сажаю Мэй Мобли в манеж и выношу мусорное ведро на улицу, потому что мусоровоз должен сегодня приехать. Мисс Хилли и ее сумасшедшая мамаша едва не наезжают на меня своей машиной, а потом радостно вопят, что, мол, извиняются. Спасибо, что ноги не переломали.

Когда я вхожу в кухню, мисс Скитер уже там. Прислонилась к столу, лицо серьезное, даже серьезнее, чем обычно.

— Привет, мисс Скитер. Угостить вас чем-нибудь?

Она смотрит, как мисс Лифолт разговаривает с мисс Хилли через окошко машины.

— Нет, я просто... жду.

Я вытираю поднос, украдкой бросаю взгляд на нее, она все еще с тревогой смотрит в окно. Она не похожа на других белых дам, высокая такая. И скулы у нее очень высокие. Голубые глаза всегда опущены, и потому вид у нее застенчивый. В кухне тихо, только радио на столике работает, церковная станция. Шла бы она отсюда, что ли.

— Это проповедь отца Грина передают?

— Да, мэм.

Мисс Скитер чуть улыбается:

— Как это напоминает мне мою нянюшку.

— О, я знакома с Константайн, — говорю я.

Мисс Скитер отворачивается от окна, смотрит на меня:

— Она меня вырастила, знаете?

Я киваю, жалея, что вообще открыла рот. Уж слишком много мне известно об этом деле.

— Я пыталась раздобыть адрес ее семьи в Чикаго, — продолжает она. — Но никто не мог ничего сообщить.

— Я тоже ничего не знаю, мэм.

Мисс Скитер опять переводит взгляд за окно, на «бьюик» мисс Хилли, едва заметно качает головой:

— Эйбилин, говорят, что... То есть Хилли говорит..

Я беру кофейную чашечку, принимаюсь протирать ее.
— А вы никогда не хотели... изменить это все?

И я не сдержалась. Посмотрела на нее. Потому как в жизни не слыхала более глупого вопроса. Она так сморщилась, прямо с отвращением, вроде как насыпала в кофе соли вместо сахара.

— О нет, мэм, все замечательно.

Я опять занялась посудой, так что она не видела, как я закатила глаза.

— Но эти разговоры, насчет *уборной*... — И замолкает на этом самом слове, потому как в кухню входит мисс Лифолт.

— Привет, Скитер. — Она довольно странно глядит на нас обеих. — Простите, я... вам помешала?

Мы, наверное, обе подумали, не слыхала ли она чего.

— Я должна бежать, — говорит тут мисс Скитер. — До завтра, Элизабет. — Открывает черный ход, оглядывается: — Спасибо за обед, Эйбилин. — И уходит.

Я иду в столовую и принимаюсь убирать со стола. Как я и думала, мисс Лифолт появляется следом, со своей печальной улыбочкой. Голову склонила так, будто о чем спросить хочет. Она не любит, чтоб я с ее подружками разговоры разговаривала, когда ее поблизости нет, никогда этого не любила. Вечно хотела знать, кто что говорит. Я прошла в кухню, чуть ее не задев. Посадила Малышку в высокий стульчик и начала духовку чистить.

Мисс Лифолт опять за мной, углядела банку «Криско», повертела и поставила. Малышка тянет ручонки к маме, но та открывает буфет и делает вид, будто не замечает. Потом захлопывает дверцу, открывает другую. В конце концов останавливается. Я себе стою на четвереньках. Голову засунула в духовку, будто хочу газом отравиться.

— Вы с мисс Скитер, кажется, говорили о чем-то очень серьезном.

— Нет, мэм, она просто... спрашивала, не нужна ли мне какая поношенная одежда, — отвечаю я, словно из колодца.

Руки все в жирной саже. И пахнет тут, как в подмышке. Вскорости и пот побежал по носу, и каждый раз, как стираю его, оставляю на лице грязное пятно. Должно

быть, здесь, в духовке, самое гадкое место на свете. Когда внутри, непонятно, то ли ты ее чистишь, то ли тебя сейчас поджарят. Сегодня вечером мне чудится, что я застряну в духовке, а в это время включится газ. Но не вынимаю головы из этой жуткой дыры, потому что готова оказаться где угодно, лишь бы не отвечать на вопросы мисс Лифолт про беседу с мисс Скитер. Про то, что она спрашивала, не хочу ли я *изменить* жизнь.

Мисс Лифолт подождала-подождала, а потом фыркнула да и вышла. Видать, присматривает, где пристроить новую ванную для меня, для цветных.